

Юлия
Белохвостова

Яблоко от яблони

Юлия Белохвостова

Яблоко от яблони

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36074713

Яблоко от яблони:

ISBN 978-5-907030-62-6

Аннотация

«Яблоко от яблони» – это третий поэтический сборник поэта и филолога Юлии Белохвостовой. Стихи, вошедшие в него, написаны в основном в 2014–2017 гг. Некоторые были опубликованы в журналах, часть публикуется впервые. В текстах органично переплетаются образы из разных эпох, исторические персонажи встречаются с современниками автора, источниками вдохновения становятся путешествия, книги, люди, но прежде всего – события собственной жизни. Героиня автора – утонченный человек, ищущий гармонию в сочетании фрагментов мироздания и наслаждающийся самой возможностью этих поисков.

Содержание

Единственное яблоко поэта	6
Жизнь дачная	12
Шепотом	12
Судаки, сороки, бобры	14
Смородина зреет	16
Я напишу	17
Единственное яблоко	18
Двое под дождем	19
Чайки, ослики, поэты	20
Всё еще лето	21
Жизнь дачная	23
Папина яблоня	24
Третье августа	26
Легко	27
Улита	28
Огни на пруду	30
Хлеб и вода	32
«В этом море-окияне что ни лодка, то ковчег. Кто тут будет окаянней, чем непарный человек...»	34
«У подсолнуха голова тяжелая, ниже, ниже клонится на плечо, с лепестков пыльца разноцветно-желтая сыплется и колется	35

горячо...»	
Жасминовое	36
Жара	38
Тихое слово	40
Перевод с рыбьего	41
Тропинка до щучьего озера	43
Не об этом	44
Венок для купалы	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Юлия Белохвостова

Яблоко от яблони

© Ю. Белохвостова, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

*** * ***

Единственное яблоко поэта

Дорогой читатель, перед тобой новая книга стихов Юлии Белохвостовой, в которой лучшие качества её поэтического характера проявлены в их развитии и постоянном движении. Качества эти нельзя приобрести, им невозможно научиться, их не дано имитировать, они – врождённые. Их можно развивать, придавать им новую окраску, наполнять их новыми решениями и воплощениями, но по сути своей они – признак природного поэтического дарования, которым автор обладает.

Это – прежде всего – предельная искренность поэтического высказывания, лирическая исповедальность, свободное дыхание, естественность интонации, прямота стихотворной речи. Её стихи – при всём разнообразии тематики – оставляют ощущение личного дневника, в котором повседневность оборачивается не дневником событий, а дневником души. Души, чья полнота жизни обеспечена художническим мировосприятием окружающей действительности. Белохвостовой дано видеть и слышать малейшие детали, вбирающие в себя полноту жизни, детали, за которыми раскрываются пространство и время:

Все тишь да гладь. В листе темнеют вишни
внимательные карие глаза.

Предугадать, чем кончится затишье
по-прежнему заранее нельзя.

Что толку Трое в стенах укрепленных,
в законах, запрещающих вражду,
когда на ветке зреет неуклонно
единственное яблоко в саду.

Образная система Белохвостовой, свойственная ей метафоричность превращают самые простые явления жизни в факт поэзии. Автор фиксирует состояние природы, как сиюминутное настроение, являющееся камертоном остановленного мгновения:

Все еще месяц рассыпанных звезд,
ливней, и молний, и мокрого сада,
ржавчиной тронутого винограда,
позднего чувства и долгого взгляда,
все еще лето, и это всерьез.

Стих её – точный по слову и звуку – обладает внешней лёгкостью, развиваясь по законам внутреннего сюжета каждого стихотворения в отдельности, но, выстроенные по своей художественной логике, стихи превращаются в рассказ о жизни в целом. Рассказ, полный доверия к своему читателю. Доверия, без которого невозможна такая незащищённая распахнутость повествования. Это очень женские стихи в самом лучшем смысле этого слова. Они требуют мужества лириче-

ской исповеди, на которое поэты-мужчины решаются чрезвычай­но редко:

Ты мне пишешь, что из прихоти девической
я болтаюсь неизвестно с кем и где.

Ты не прав – я знаю с точностью до тысячи,
на какой меня болтает высоте.

Я могу сказать, когда все это кончится,
в крайнем случае, плюс/минус полчаса:
мы заходим на посадку. *Я* не летчица,
но внизу, наверно, наша полоса.

Эта поэтическая книга – книга о женской любви, о страсти, о своём женском, что не может не трогать сердце читателя, не может не откликаться силой поэтической мысли автора в нашем восприятии. Читаешь одно стихотворение за другим и понимаешь, что странным образом автор, повествуя о своём, рассказывает о твоём жизненном опыте. При этом средства, передающие человеческую связь автора и читателя, просты. Кажется, не раз сказанное в исполнении поэта звучит новой незаезженной нотой:

А пока в напеве одиноком
липы, перепуганные тьмой,
ветками царапают по окнам,
словно осень просится домой.

Все главные достоинства стихотворной речи Белохвостовой не были бы проявлены столь очевидно, если бы не её версификационная свобода, уверенное владение стихом.

По уже приведённым цитатам можно расслышать музыку стиха этого автора. Густо аллитерированный стих Белохвостовой очень органично и ненавязчиво создаёт особую звуковую окраску стихотворения. Вот, например, стихотворение, в котором поэт рисует картину ночной природы – шорохи и шёпоты ночи, пропитанные шуршанием шипящих, воспроизводятся всей звуковой тканью стихотворения, и только две строки нарушают эту благословенную тишину – перестук колёс пролетающей в ночи электрички, инструментованный на твёрдые и «рычащие» звуки:

Дождь перешел на шепот. Здесь, в глуши

мне слышно, как по гравию шуршит
ночная электричка из Твери,
а может, в Тверь – попробуй, разбери.

Здесь тихо, тихо, даже сны и те
на цыпочках проходят в темноте,
ни одного лица не различишь,
такая темень и такая тишь.

Такая блажь – вполголоса дышать,
чтоб шепоту ничем не помешать,
как будто в нем, расслышанном едва,

особенные спрятаны слова.

И всё это сказано с такой ненатужностью, с такой естественностью стихотворной речи. Естественность этой речи проявляется и в некоторой округлости каждого предложения, уложенного в катрен, нередко ещё и с помощью кольцевой рифмы, дополняющей эту округлость. Округлость эта в книге предстаёт сквозным образом яблони и яблоневого плода. Из предыдущей книги поэта в новую книгу, словно бы, связующей нитью перенесено одно из лучших стихотворений Юлии

Белохвостовой «Папина яблоня» – что-то от русской песни, от фольклора звучит в этом балладном стихотворении:

... Вот эту яблоню за домом я помню дольше, чем себя.
Отец рассказывал знакомым, что к середине сентября (не этого, но через годик уж точно) будет нам пирог, все дело в правильном уходе. И он ухаживал, как мог: поил, кормил, зимой холодной ствол мешковиной пеленал...
Увы, она была бесплодной, как Авраамова жена.
Сад пережил пожар, щитовок, набеги выросших детей и переделку в духе новых ландшафтно-парковых идей.
Творцы в порыве вдохновенья хотели яблоню срубить, но для густой прохладной тени оставили. И птицы вить в ее ветвях привыкли гнезда, а папа в солнечные дни любил сидеть в шезлонге пестром в ее спасительной тени.
Тот год, когда мы проводили отца, был яблочко богат.
Под слоем золотистой пыли тонул в осеннем солнце

сад, со стороны усадьбы старой трезвонили колокола, и яблоня библейской Саррой воспрянула и понесла – согнулись ветки под плодами, не в силах с ношей совладать, а в доме пахло пирогами, а в сердце стала благодать.

Кажется, в этих строках воплощена вся жизненная сила мировосприятия поэта, преодолевающая боль, осветляющая память, являющая пример жизнестойкости, которыми с искренней щедростью делится с нами Юлия Белохвостова.

ДАНИИЛ ЧКОНЯ

Жизнь дачная

«В моем тверском уединенье...»
(А.Ахматова)

Шепотом

Дождь перешел на шёпот. Здесь, в глуши
мне слышно, как по гравию шуршит
ночная электричка из Твери,
а может, в Тверь – попробуй, разбери.

Здесь тихо, тихо, даже сны и те
на цыпочках проходят в темноте,
ни одного лица не различишь,
такая темень и такая тишь.

Такая блажь – вполголоса дышать,
чтоб шёпоту ничем не помешать,
как будто в нем, расслышанном едва,
особенные спрятаны слова.

Без этих слов, без шороха в ночи,
без никому не ведомых причин
не может быть ни утренней зари,

ни первой электрички из Твери.

Судаки, сороки, бобры

После долгой разлуки в четыре дня
рассмотри меня, расспроси меня,
как сорока с выводком сорочат
по утрам под окном кричат,
как бобры широким хвостом шуршат
в сухостое из камыша,
как черемуха вечером хороша —
любоваться, но не дышать,
как по дну подлодкой идет судак
и качает воду туда-сюда,
и меняет плотность и цвет вода
и становится как слюда.

Я смотрела в воду четыре дня,
так, что стали цвет и глаза менять —
то ли цвет земли, то ли цвет огня,
то ли цвет речной у меня.
И река одна не меняет цвет,
растворяет себя в траве,
зарастает илом и камышом,
где бобры шевелят хвостом.
Тишина до времени, до поры,
слышен хруст растрескавшейся коры,
и летят, плывут, шелестят, шустры,
судаки, сороки, бобры.

Смородина зреет

Солнце просвечивает сквозь небо,
яблоням вглядывается в лица,
ищет дырочку – просочиться,
вылиться, вырваться ему где бы.

Вот от черемуховой макушки,
словно от маковки золочёной,
в чашку раскрывшегося пиона
солнечных зайцев бегут веснушки.

В листьях зеленых смородины красной,
как на рентгене, прожилок скелеты,
и изнутри распирает от света
круглые бусины ягоды рясной.

Нужно проснуться до солнца летом,
раньше рассвета, встать спозаранку,
чтобы увидеть неба изнанку, чтобы тебе
рассказать об этом...

– что у тебя? говори скорее...

– а у меня... смородина зреет...

Я напишу

Я напишу – читай меня, листай
и складывай слова и смыслы вместе,
ставь между ними плюстик, словно крестик,
но крест на всем прочитанном не ставь.

Все будет продолжаться день за днем
медлительно сиречь неторопливо:
река плюс ива, водоем плюс ива...
Мне кажется, река – не водоем.

Мне кажется, она теряет смысл,
по горло зарастая камышами,
и рыбы забывают, чем дышали,
и пьют туман рассветный, как кумыс.

А ты дыши, дыши, и мне пиши,
я буду пить слова твои густые,
пока они в разлуке не остыли,
не остудили утренней души.

Я напишу, а ты меня читай,
води губами, пальцами по коже,
и то, что ты во мне понять не сможешь,
из этих слов и строчек вычитай.

Единственное яблоко

Вот облака, разглаженные ветром
от голубой беседки до сосны,
полнеба закрывают, и при этом
намерения неба не ясны.

Не слышно, чтобы гром настроил трубы,
с соседской дачи ветер носит лай
собаки, не похожей на Гекубу,
и греется на солнце Менелай.

Все тишь да гладь. В листве темнеют вишни
внимательные карие глаза.
Предугадать, чем кончится затишье
по-прежнему заранее нельзя.

Что толку Трое в стенах укрепленных,
в законах, запрещающих вражду,
когда на ветке зреет неуклонно
единственное яблоко в саду.

Двое под дождем

Прошли навстречу двое под дождем
без зонтиков, и встали у калитки,
пропитанные синевой до нитки,
"Что, нет его пока что? Подождем..."

А тот другой, кого "пока что нет",
случайно перепутав переулки,
растягивает время до разлуки,
не изменяя в сущности сюжет.

Сбежала, словно вымокнуть боюсь,
не дождалась, чем кончатся объятья,
и море вновь отхлынуло от платья,
оставив на губах соленый вкус.

Чайки, ослики, поэты

Такое хорошее долгое лето,
стихами согрето, скрипит половицей,
с июня до августа длится и длится,
и ходит по дому, и ходит по свету.

Пристроимся следом – оставим постели,
насиженные табуретки на кухне,
уедем туда, где луна не потухнет
к полудню, где мы будем жить, как хотели:

на волнах качаться, как чайки, как чайки
друзей окликать, проплывающих мимо,
и пить с ними вина любимого Крыма,
а после об этом рассказывать байки.

Не кончится лето ни завтра, ни после,
и осень на море пловцов не догонит,
прикормленных птиц не прогонит с ладони,
а в горы поднимется солнечный ослик.

Пристроимся следом, без всякой поклажи,
упрямо преследуя долгое лето,
не то, чтобы ослики, просто поэты —
прекрасны, беспечны и счастливы даже.

Всё еще лето

Первые желтые листья не в счёт,
солнце печёт сквозь несобранность ивы,
спелые яблоки, синие сливы,
ветреной ряби в воде переливы,
лодочки листьев – не осень ещё.

Каждое слово – надкушенный плод,
вызрело или же сорвано рано,
смыслом ли, соком наполнено пьяным,
на языке у поэта, гурмана
выбора или забвения ждёт.

Каждая память – расшатанный мост,
нам ли забывчивым быть не по летам.
День через вечер прошел незаметным,
и, наполняя бессонницу светом,
лунное яблоко двинулось в рост.

Всё ещё месяц рассыпанных звёзд,
ливней, и молний, и мокрого сада,
ржавчиной тронутого винограда,
позднего чувства и долгого взгляда,
всё ещё лето, и это всерьёз.

Первые желтые листья – не в счёт,

каждое слово – надкушенный плод,
каждая память – расшатанный мост,
всё ещё месяц рассыпанных звёзд,
всё ещё лето, лишь это всерьёз.

Жизнь дачная

Жизнь дачная, неторопливая,
с претензией на благодать,
где между яблоней и сливою
одна морока выбирать.

Где бабки застилают ящики
известиями дней былых,
и огурцами настоящими
хрустящими торгуют с них.

Где утро терпит опоздание
и входит в дом со всех сторон,
и день проходит под жужжание
соседей, бреющих газон.

Где речка к ночи прогревается
до грипповых температур,
и обнаженными купаются
владельцы типовых фигур.

Поддержишь беленькую в холоде,
достанешь рюмки для гостей,
подумаешь: чего же в городе
нам не живется без затей?

Папина яблоня

Нестройность птичьего сопрано, воскресный благовест вдали, под сладкой тяжестью шафрана согнулись ветки до земли, в коклюшках веток – паутина, и день плетется кое-как, стоит плетеная корзина, наполовину в яблоках... В траве, в садовой бочке, всюду избыток райский, собирай и веруй в яблочное чудо, в необычайный урожай. Вот эту яблоню за домом я помню дольше, чем себя. Отец рассказывал знакомым, что к середине сентября (не этого, но через годик уж точно) будет нам пирог, все дело в правильном уходе. И он ухаживал, как мог: поил, кормил, зимой холодной ствол мешковиной пеленал... Увы, она была бесплодной, как Авраамова жена. Сад пережил пожар, щитовок, набеги выросших детей и переделку в духе новых ландшафтно-парковых идей. Творцы в порыве вдохновенья хотели яблоню срубить, но для густой прохладной тени оставили. И птицы вить в ее ветвях привыкли гнезда, а папа в солнечные дни любил сидеть в шезлонге пестром в ее спасительной тени. Тот год, когда мы проводили отца, был яблочно богат. Под слоем золотистой пыли тонул в осеннем солнце сад, со стороны усадьбы старой трезвонили колокола, и яблоня библейской Саррой воспрянула и понесла – согнулись ветки под плодами, не в силах с ношей совладать, а в доме пахло пирогами, а в сердце стала благодать.

Третье августа

Который нынче август на дворе —
второй, четвертый, пятый?

По записям в своем календаре
определяю даты,

еще по дням рождения друзей,
по поводам нескромным,
мне слышатся в раскатистой грозе
всё трубы да валторны.

И прошлый август так же громыхал,
заканчивая лето,
расстреливал дождливый арсенал
над городом прогретым.

Когда еще по лужам босиком
повесничать, как дети,
и август разразился, словно гром,
и он сегодня третий.

Легко

Легко до той поры, пока
есть кофе в чашке толстобочкой
без сахара и молока,
пока достаточно кивка,
прикосновения, намёка.

Пшеничной корочкой листва
хрустит, влетая под ботинок,
день встречей делится на два,
и рифмой связаны слова,
и нить меж ними паутинна.

Есть солнце в утреннем окне,
есть дождь в положенное время
и, очевидно, будет снег,
когда, созревшее вполне,
на землю небо скинет бремя.

Улита

К четырем часам пополудни
пыль столбом стоит по деревне —
по лугам намаявшись скудным,
мимо церкви брошенной древней
по домам бредут коровенки,
с каждым шагом в грудь бьется больно
колокольчик с шейной веревки —
звон стоит, что с той колокольни.

У ворот хозяйки столпились,
фартуком накрыли ведерки;
разбирают бабы кормилиц —
время аккурат вышло к дойке.
А одна корова рогами
в запертую тычет калитку,
и мычит, как будто ругает
сонную старуху Улиту.

Та не спит – расселась в прихожей,
руки на коленях сложила,
сквозь пергамент высохшей кожи
проступают синие жилы.
И с чего бы вдруг пополудни
молока ей так захотелось?
И никто ее не разбудит.

Не успела... жаль, не успела....

Огни на пруду

Небо ночное плавится на огне
Тонких свечей церковных, и капли воска
В черную воду падая, тонут в ней —
Где-то на дне мерцают и тают звезды.

Тайны минувших дней растворяет ночь,
Не обещая сделать хоть что-то явным.
Звуки шагов в испуге метнутся прочь,
Хлопнут в ладони от удивленья ставни.

Из полумрака или небытия
По мановенью чьей-то руки и воли,
Белые стены, стены монастыря
Вновь dorастут до праздничных колоколен.

Словно сквозь толщу вод или прошлых лет,
Даже не звон, а вздох переливом слышен.
Чья-то молитва снова разбудит свет,
Видимых нам небес поднимаясь выше.

Выше желаний, радостей или бед,
В прошлых паденьях и вознесеньях каясь,
Чья-то душа восходит сама к себе,
Белых ступеней каменных не касаясь.

В небе ночном негромко вздохнет звезда,
Чувствуя неизбежность к земле скольженья.
В зеркале непрозрачной воды пруда
Тонет ее неярко отраженье.

Хлеб и вода

*«...Да, ненавижу старый мир... А что я без
всего этого?»*

Это хлеб мой и вода моя...»

Аркадий и Борис Стругацкие "Хромая судьба"

Черствый хлеб утоптанной земли
размокает в теплых талых водах.
Тени голубого небосвода
в ноги скорбным яблоням легли.

Голый сад как ненакрытый стол —
неприветлив, холоден и скуден.
Стаи возвращающихся буден
в облака вонзаются крестом.

Подставляй же плечи, торопись,
принимайся боронить и сеять,
следуя завету Моисея,
сотвори из праха снова жизнь.

Собери трудов своих плоды,
восхвали дарующего ямбом,
и в саду, в тени ветвистых яблонь,
стол накрой рассветом молодым.

Не жале́й уше́дших вод и лет,
на госте́й не возводи́ напрасли́н,
с ка́ждым, кто приде́т к тебе́ на пра́здник,
пре́ломляй́ насущный све́жий хле́б.

«В этом море-окияне что ни лодка, то ковчег. Кто тут будет окаянней, чем непарный человек...»

В этом море-окияне что ни лодка, то ковчег. Кто тут будет окаянней, чем непарный человек?

Подбирай себе второго, без него ни вплавь, ни вброд, до чего же, право слово, компанейский мы народ.

Птица к птице, рыба к рыбе, на двоих одна блесна, что с того, что вместе – гибель, на миру и смерть красна!

**«У подсолнуха голова тяжелая,
ниже, ниже клонится на плечо, с
лепестков пыльца разноцветно-
желтая сыплется и колется горячо...»**

У подсолнуха голова тяжелая, ниже, ниже клонится на плечо, с лепестков пыльца разноцветно-желтая сыплется и колется горячо.

Закатилось солнце куда-то за спину, между гор лопаточных обожгло. Говорили много, да все напраслину, оттого и губы кривили зло.

Оттого и вяли цветы измятые, торопливо втоптаные в крыльцо, оттого и руки в карманах прятали, желтой перепачканные пылью.

Лето разлиновано по линейке, клонится подсолнухом голова, а из головы выпадают семечки, черные и гладкие, как слова.

Жасминовое

Я буду жасмин,
буду дрожь под твоей рукой,
я буду такой,
какую навеет ветер,
из темных глубин
поднявшийся над рекой,
в рассветный покой
рассыпавший свет соцветий.

Дыши-не дыши,
только запах запоминай...
Когда Адонай
лучами разрежет воду,
в глубины души
беспамятство окунай,
меняй имена
дыханию дня в угоду.

Поёт ли трава —
кто услышит траву на звук,
из шепотов двух
один различи, попробуй.
Не тешат слова,
не имя ласкает слух —
жасминовый дух

Щекотно течет по нёбу.

Жара

выбери дерево, вокруг которого нарисуем
тень —
мне все равно, под каким из них пережить
этот день,
под каким из них переспать эту ночь,
переждать до утра,
когда к обессиленным листьям вернуться
ветра,
когда потухнет жара.

выбери реку, которая воды несет в океан,
выбери воду любую – озеро, пруд,
городской фонтан,
мне все равно, в какую из них входить
и в который раз,
лишь бы вода была холодна, утешая нас,
лишь бы сама не зажглась.

выбери день недели, когда будет время
смотреть наверх —
вторник, среда или, как всегда, после
дождя в четверг,
пока будет дождь деревья в землю вбивать,
лить из ведра,
пока мы не станем гадать, голову вверх

здрав,
когда вернется жара.

Тихое слово

И выдохнула слово тихое,
ни гнева, ни обиды в нем,
ни соразмерности с шумихою
дверей, захлопнувшихся в дом.

Но окна плотно занавешены,
никто теперь не разберёт
ни силуэт любимой женщины,
ни рук её напевный взлёт.

Дожди взялись за настоящее,
едва о прошлом загрузив,
и это слово шелестящее
поют на простенький мотив,

вбивают капли в подоконники,
полощут чистое белье,
и головой качают слоники
на полке в комнате её.

Он списывает эти шорохи
на складки мокрого плаща,
не различая в общем ворохе
произнесённого "прощай"

Перевод с рыбьего

Так заглядишься в глубокую черную воду,
словно глазами ощупать пытаешься дно,
словно мучительно ищешь слова перевода
с рыбьего на человеческий, понятный,
родной.

Так намолчишься, намаешься этим
молчаньем,
словно оно тяжелее гнетущей вины
всех мастериц виноватого взора и камнем
тянет ко дну, где такие же камни видны.

Где намывает теченьем песок, укрывая
бледных утопленниц, канувших в воду
без слов,
в мертвой воде без следа растворилась
живая —
не остается на смерти от жизни следов.

Ближе и ближе к воде наклоняясь
бездвижной,
словно расслышать пытаясь ее немоту,
так и нырнешь, только охнуть успеешь
неслышно,
только ладонь поднесешь

к удивленному рту.

Тропинка до щучьего озера

Ночь жасминового цвета, запах лета, вкус греха —
позднеспелого ранета, не поспевшего пока,
ночь прохладная легка, речь не связана запретом...

Вяжет зеленью незрелой развязавшийся язык,
сосен розовое тело зябнет в ниточках росы,
и в предчувствии грозы куст кивает веткой белой.

Совпадения и созвучья, каждый выдох невесом,
озеро темнеет Щучье, до него идти пешком,
возвращаться – босиком, наколов ступни о сучья.

Возвращаться... сладкий, клейкий, темный лист сорвать
с куста,
сесть на каменной скамейке возле черного креста,
этот куст перелистать, листья – ржавые копейки.

Разжимает руки лето – листья смятые в руках,
размышления поэта, божий свет и божий страх,
цвет жасмина в волосах, ночь жасминового цвета.

Не об этом

Воспоминания отрывисты и колки,
как тонкие сосновые иголки,
упавшие за шиворот с деревьев
и комарами жалящие шею.

Укус – бесцеремонность глаз твоих,
другой укус – мы курим на двоих
последнюю чужую сигарету
и говорим о чем-то. Не об этом.

И день закончился, и ночь не наставала.
Короткое, как память, одеяло,
не согревало, и дорожки дрожи
из-под горячих пальцев шли по коже.

Согреться можно, придвигаясь ближе.
Иди ко мне, иди со мной, иди же...
Пой, птичка, пой, меняй припев с куплетом.
Мы думаем, должно быть, не об этом.

Дождь заворачивал в шуршащие обертки
обрубленные пни домов коротких,
скамеек зябко выгнутые спины,
и стройные ряды деревьев длинных,

и белые дорожки в черный лес,
где, встретив нас, одна из поэтесс,
с дождем сливаясь, прошуршит секретом.
И мы молчим. Но только не об этом...

Венок для купалы

Подруги мои все цветы оборвали вокруг, венки заплетают и спорят – которая краше. Теперь не найти мне ни маков, ни белых ромашек, они уже вянут в венках торопливых подруг.

Придётся мне вброд перейти нашу речку одной, я видела, там, на поляне цветёт разнотравье. Сниму босоножки – их лучше бы здесь и оставить: у речки такое опасное, вязкое дно.

Нарву желтоглазых обманщиц-ромашек копну – наврут, будто любит, а как не поверить? поверю... и с этой охапкой на свой обесцвеченный берег пойду, аккуратно ступая по топкому дну.

Венок я сплету – всем подругам на зависть венок, пушу по реке, пусть потонет он быстро – не жалко. Сегодня Купала себе выбирает русалку из тех, кто остался до первой росы одинок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.